

Мне хотелось бы поделиться некоторыми идеями, мыслями в связи с разворачивающимся кризисом, а также сказать, что я думаю о том, в какой мир вступила Россия и что нам следует делать сейчас в этом мире.

Сначала о кризисе. Если кто-то говорит, что он предсказывал, что кризис будет именно таким и что кризис охватит быстро весь мир — не верьте ему. Никто не ожидал этого. Сейчас задним числом очень многие храбрецы или саморекламщики, как хотите, начинают говорить о том, что они уже знали несколько лет или год назад, что

---

² Академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты РФ, доктор экономических наук, профессор.

Занимал посты директора Службы внешней разведки РФ (1991–1996), министра иностранных дел РФ (1996–1998), председателя Правительства РФ (1998–1999).

Автор научных трудов: «Страны Аравии и колониализм», «Ближний Восток: пять путей к миру», «Восток после краха колониальной системы», «Очерки истории российской внешней разведки», «Война, которой могло не быть», «Мир после 11 сентября и вторжения в Ирак», «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами», «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость» и др. Лауреат Государственной премии СССР, премий им. Насера, им. Авиценны, им. Джорджа Кенана и др.

Е. М. Примаков²

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

мы вступим в такую полосу, — нет, не было этого. Этот кризис системный. Но не верьте и тем, кто говорит, что этот кризис свидетельствует о полном крахе капитализма и крахе доллара. Действительно, это кризис той модели капитализма, которая существовала и развивалась в Соединенных Штатах. По Марксу, триединая формула, характерная для капитализма: деньги–товар–деньги. В Соединенных Штатах эта формула переросла в другую: деньги–деньги–деньги. Не материальное производство, развитие которого раньше обогащало капиталиста, а деньги–деньги–деньги. И это, в общем-то, создало совершенно новый фон развития рыночных отношений, который predetermined безграничную свободу займа, свободу операций денежными средствами, спекулятивные операции денежными средствами без контроля государства. Все то, чем и занимались банки. Это привело к образованию и вздутию финансовых пузырей, которые лопнули, и образовалась раковая опухоль, метастазами проникающая из США в другие страны.

Не осталась в стороне и Россия. У нас некоторые говорили, что мы останемся островом стабильности в бушующем кризисном море, — не получилось. Кризисное море

захлестнуло и нас. Произошло это потому, что Россия очень углубилась в процессы, которые определяют развитие мировой экономики. Но не только это. Обратите внимание, что в документе, направленном премьер-министром Владимиром Владимировичем Путиным в Государственную Думу по поводу антикризисной программы, говорится, что кризис в России имеет свои специфические характеристики. Они связаны с тем, как развивалась у нас обстановка в докризисный период, когда образовался ряд дисбалансов, и об этом надо сказать в открытую. Один из дисбалансов заключался в том, что 40 % валового внутреннего продукта у нас создается за счет экспорта сырья. Сейчас некоторые говорят: «Положение в Китае легче, чем у нас. Они сейчас много делают для более быстрого выхода из кризиса». Действительно, это так. Но китайский опыт нам не удастся повторить. Почему? Потому что хотя китайский валовый внутренний продукт, так же как у нас, в значительной части создан за счет экспорта, однако не сырья, а готовой продукции. А у нас экспортируется сырье. В условиях резкого сокращения экспорта в Китае решили направить нереализованную его часть на внутренний рынок, поднять платежеспособность населения, стимулировать инвестиции — и таким образом выйти из кризисной ситуации. Мы такой маневр совершить не можем, потому что у нас не изменена структура экономики. Она осталась сырьевой. Мы не можем сейчас развернуть сырьевой поток, который не находит потребителя за рубежом, на внутренний рынок. А если поднять одновременно платежеспособный спрос населения, то тем самым импорт только увеличится. Так что у нас маневренные возможности далеко не такие, как у Китая — это нужно просто понять. И это в результате той диспропорции, которая образовалась в докризисный период.

И еще одна диспропорция: в России задолго до кризиса создалось положение, при котором главный источник финансирования развития нашей экономики был зарубежным. Более дешевые кредиты получали за рубежом. Я помню заседание Совета по конкуренции, который существует при председателе Правительства. Тогда председателем Правительства был Зубков. И, в общем-то, шел разговор такого порядка. Мы 90 млрд долл. выплатили в качестве покрытия тех зарубежных кредитов и займов, которые получили Советский Союз и Россия. Это было сделано достаточно легко за счет накопленных средств от высоких цен на нефть и на газ. Хорошо, очень хорошо, что нам удалось это сделать. Но одновременно до 500 млрд поднялась корпоративная задолженность перед зарубежными кредитными организациями. Наши компании, наши банки были вынуждены кредитоваться за рубежом. Объективно так получилось. Я не считаю, что это во всем было правильно, потому что многие из полученных средств были вложены в небольшие пакеты акционерного капитала различных компаний и не вернулись в Россию. Но я сейчас этот вопрос не рассматриваю. Я просто хочу сказать о том, что в условиях, когда полученные средства за счет высоких цен на нефть и газ не были вложены в нашу кредитно-банковскую систему, чтобы поднять ее капитализацию, наши банки и компании были вынуждены брать кредиты за рубежом. Вне зависимости от тех причин, от тех мотивов, по которым они брали, появился огромный новый долг. Причем этот долг равносителен государственному долгу. Почему? Потому что, во-первых, кредиты и займы за рубежом брали в основном государственные компании. А во-вторых — брали под государственные гарантии. И вот этот долг сейчас висит на нас. Так мы вступили в кризис. Это очень серьезная часть нашей кризисной ситуации, которая должна быть учтена руководством. Нужно сделать все для того, чтобы компании-заемщики сами расплачивались. Государство не может за них расплачиваться полностью. Ни-

чего страшного, если за долги пойдет часть их активов, я, естественно, не имею в виду стратегические компании.

Теперь об антикризисных мерах правительства. Я считаю, что Владимир Владимирович Путин поступил правильно, когда первым делом поддержал кредитно-банковскую систему. Потому что средства в кредитно-банковскую систему необходимо было отчислить, чтобы она не зашаталась. Если бы кредитно-банковская система зашаталась — это бы обвалило всю экономику, и не только экономику. Население держит свои средства в банках. Представляете, если бы повторилась ситуация десятилетней давности, при которой были заморожены банковские вклады населения? Этого, конечно, нельзя допустить. Поэтому финансовые средства были направлены в банки для того, чтобы их укрепить. Но при этом еще другая функция должна была быть у этих средств, которые пошли в банки, средств из бюджета, средств из Резервного фонда. Вторая функция заключалась в том, что банки должны были часть этих средств переадресовать реальному сектору экономики в виде кредитов. Банки этого не сделали. Начались скупки валюты, переводы за рубеж. Причем просто осудить за это банки невозможно. Они пытались увеличить ликвидность, увеличить свою капитализацию, пытались сделаться прочнее для того, чтобы пережить кризис. Но в то же время мы сейчас, через несколько месяцев, начинаем делать то, что должны были, как мне кажется, сделать с самого начала. Дело в том, что когда банки оперируют средствами, спущенными им из бюджета, они теряют характер коммерческой организации и становятся агентами правительства, бюджета, государства — как хотите. Им даются средства под определенный процент. В данном случае под 8 %. Далее можно было бы продиктовать им: несколько процентов оставить в виде собственной прибыли, а все остальное под такой-то процент дать реальному сектору экономики. К этому сейчас пришли. В настоящий момент это может облегчить положение, которое сложилось в реальном секторе экономики. В то же время, большое значение имеет открытие, как выразился Владимир Владимирович Путин, «второго фронта» непосредственно в реальном секторе экономики — это и госзакупки, и налоговые льготы, и государственное кредитование, и т. д.

Теперь, если говорить о формуле выхода из кризиса. Какой она должна быть? Мне кажется, что это совокупность трех задач, которые следует решить. Хочу подчеркнуть, что они очень взаимосвязаны. Первая задача заключается в том, чтобы минимизировать те потери, которые неизбежны в кризисных условиях для экономики и социальной жизни страны. Для этого многое делается. Вторая задача заключается в необходимости определить точки роста, создать их иерархию и найти оптимальный путь к подъему экономики. И наконец, третья задача, вытекающая из той правительственной программы, которая представлена в Государственную Думу — создание новой модели экономики России. Она не должна повторять ту модель, что существовала раньше, до кризиса. Новую модель нужно создавать уже сегодня, и базироваться она должна на инновационном развитии России. Здесь есть о чем подумать. У нас только 10 % предприятий занимается инновациями. На рынке наукоемкой продукции России принадлежит меньше 1 %, в то время как около 7 % — Китаю, 37 % — США. Нам есть над чем подумать. Многие из вас знают, наверное, имя Н. Д. Кондратьева. Это выдающийся экономист (он, к сожалению, повторил судьбу многих — в 1938 году скончался в тюрьме). Кондратьев — автор теории длинных волн. Он говорил, что при рыночном хозяйстве в течение 40–50 лет волна восходящая, потом волна убывающая, потом снова восходящая. Причем при новой восходящей волне происходит выход на новый технико-

технологический уровень. Эту систему многие понимают. И мы должны это понять, преломить это в нашем сознании. В Соединенных Штатах, например, в 2009 году на 3,2 % увеличили финансирование науки, а у нас оно, к сожалению, сокращается. Хотя выделяется из бюджета чуть больше, чем в прошлом году, но если сопоставить с инфляцией, получается сокращение. Конечно, сейчас нужно больше думать об инновациях, о развитии науки.

Теперь хочу сказать о другом. Кризис еще раз подчеркнул, что нет однополярного мироустройства. Потому что не может руководство всем миром осуществляться из одного центра. Вопрос об однополярном мироустройстве стоял теоретически. Не стоит думать, что я сравниваю фашистскую Германию с Советским Союзом, я далек от этого. Но однополярное мироустройство могло быть по Гитлеру, когда он хотел завоевать весь мир, и по Советскому Союзу — когда идеологически мы хотели объединить весь мир под собой. После окончания холодной войны, после того, как перестал существовать Советский Союз, Соединенные Штаты решили, что, оставаясь самыми сильными в экономическом, военном отношении, по политическому влиянию, они образуют однополярное мироустройство, и стали действовать так, как будто действительно мир однополярен. Объективные процессы показывают, что этот вывод не имеет ничего общего с действительностью. Китай развивается в шесть раз быстрее, чем Соединенные Штаты. Объединенная Европа — в полтора раза быстрее, чем США. Индия очень быстро развивается. Многополярность растет на глазах. Я думаю, что самая главная, если хотите, беда американского руководства состояла в том, что они посчитали — раз США самые сильные на данном этапе в мире, то это является показателем однополярного мироустройства. И они не только теоретически поставили знак равенства, но и стали действовать на практике через доктрину так называемого унилатерализма. В чем заключается эта доктрина? США сами, без всякого решения Совета Безопасности ООН, даже без своих союзников, решают, куда им двинуть свою военную машину, где провести военную операцию, какой режим свергнуть. Именно так поступили Соединенные Штаты в Ираке. В результате Ирак оказался плацдармом, который показал, насколько доктрина унилатерализма противоречит прогрессу человечества. При всей справедливости критики Саддама Хусейна Ирак при нем был светским государством. Сейчас все политические партии Ирака, представленные в парламенте, религиозные. В Ираке не было столкновения между суннитами и шиитами на религиозной основе (вы знаете, что это две ветви в исламе). А после американской оккупации между ними началась настоящая война. В Ираке не было присутствия «Аль-Каиды» — главной международной террористической организации, а после американской оккупации она перебазировалась в Ирак. Соединенные Штаты кое-как решили вопрос с «Аль-Каидой», предоставив оружие и денежные средства племенам в «суннитском треугольнике», но она не прекратила свое существование в Ираке. Наконец, что очень важно, операция Соединенных Штатов в Ираке объективно нарушила баланс, который существовал на Ближнем Востоке. Исчез контрбаланс для Ирана. И Иран стал крупным региональным государством. Сейчас без Ирана нельзя решить по-настоящему ни одной проблемы на Ближнем Востоке.

Это еще не полный анализ. К нему можно добавить и отношения между курдами и арабами. Я недавно посетил Курдистан. В оглашенной здесь моей биографии пропустили, что в молодости я был корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке и пять лет находился в Египте и Ливане. В те годы, работая в «Правде», я многократно бывал на севере Ирака, выполняя специальные задания. Мы пытались и сделали кое-что для того, чтобы примирить Багдад с курдами. Тогда у меня сложились очень хо-

рошие отношения с руководителем курдского освободительного движения Мулой Мустафой Барзани. До этого, после окончания Второй мировой войны, Барзани в течение 12 лет находился в Советском Союзе и немного говорил по-русски. Я впервые к нему попал в сопровождении двух иракских офицеров в 1966 году. Несмотря на неучастие в военных действиях, курды пропустили меня к себе в горы. Один из офицеров прекрасно говорил по-русски. Он это скрывал, но когда сопровождавший меня советский переводчик рассказал мне по-русски какой-то анекдот, он залился смехом, таким образом разоблачив себя. Я передал Барзани, что один из иракских офицеров знает русский язык, а второй офицер — родной брат министра обороны. И Барзани, будучи очень хитрым, в присутствии этих двоих людей говорит мне по-русски, что в Багдаде все министры (за исключением министра обороны) — «жуликаны» и «воровщики».

И вот, когда я недавно был в Курдистане, естественно, встретился с сыном Барзани, который ныне президент Курдского автономного района. Во время моего пребывания на севере Ирака, когда еще был жив его отец, я познакомился с Масудом, которому тогда было 17 лет и он руководил радиостанцией. Во время абсолютно откровенного разговора Масуд Барзани сказал мне, что хотя и существует тенденция сепаратизма, курды не собираются отделяться от Ирака, не хотят. Почему? Масуд объяснил это так же, как в свое время его отец: если мы уйдем из Ирака, то против нас объединятся и Иран, и Турция, и Сирия, и Ирак. В этих условиях курды хотят сохранить свою автономию внутри Ирака, но влиять на его политику через Багдад. Однако в скором времени будут определяться границы Курдской автономии. Курды претендуют на район Киркука. В этих условиях уже начинаются столкновения между ними и багдадским правительством.

Я, таким образом, хочу сказать, что Соединенные Штаты уходят из Ирака, не умиротворив Ирак, а наоборот, погрузив его в хаос, погрузив в долгие, долговременные развивающиеся противоречия, которые дадут о себе знать еще через много-много лет...

Другой пример — Афганистан. Может быть, вы читали, что из числа бывших государственных деятелей создана российско-американская «группа мудрецов», в составе которой со стороны Соединенных Штатов — бывшие государственные секретари Киссинджер и Шульц, бывший министр обороны и министр финансов, а также Сэм Нанн — известный сенатор. Мне было поручено возглавлять группу с нашей стороны. Во время обсуждения я задал моим американским коллегам вопрос: какие цели США преследуют сейчас в Афганистане, какие задачи хотят там решить? Задачу ликвидации терроризма? Тогда объясните, почему нет крупных воинских операций в зоне племен, где расположен штаб «Аль-Каиды». Борьбу с наркотрафиком? Тогда почему именно после того, как американские и натовские войска вошли в Афганистан, в два раза увеличилось посева мака и намного увеличилось производство героина? Так получилось, потому что американцы не ведут с этим борьбу, боясь настроить против себя крестьянство. А крестьянство этим живет... И я сказал: «Может быть, вы сейчас увеличиваете состав своих вооруженных сил для того, чтобы потом уйти с сохранением лица?» Мои собеседники, у нас был дружественный обмен мнениями, улыбнулись. Но так или иначе, в Афганистане ситуация непонятная.

Иран — огромная проблема, Пакистан — огромная проблема. В Пакистане, когда был президентом Мушарраф, это был диктатор, но он держал под контролем ситуацию. А сейчас в Пакистане, стране с ядерным оружием, всем правит военная разведка, которая в свое время создала афганских талибов. Исламская оппозиция устраивает демонстрации, протесты. Это очень опасная ситуация.

Ядерное оружие может попасть в руки террористических групп.

Перед всем миром сейчас стоит очень много проблем, не только вышеназванные. Поэтому я хочу подчеркнуть, что когда новый президент Соединенных Штатов Барак Обама посылает какие-то позитивные сигналы, нужно к этому относиться серьезно. Для меня, например, критерием является то, что Обама к себе в окружение не взял неоконсерваторов, которые родили доктрину унилатерализма, — тех людей, которые стояли во главе идеологии прежней администрации. Риторика должна быть погашена, мне кажется, с двух сторон. Не должно быть провокаций. Когда, например, у нас по телевизору говорят, что Обама принадлежит к ложе масонов, я считаю, что это наносит вред. Если даже это правда, не то время, когда нужно заражать такими эмоциями общество.

Если говорить о тех проблемах, которые мы могли бы решить совместно с США, я расскажу только о ситуации на Ближнем Востоке. Ближневосточное урегулирование — это, конечно, та проблема, которая всех очень волнует. Почему? Ближний Восток — инкубатор терроризма. Если будет урегулирован арабо-израильский конфликт, это во многом ослабит международный терроризм и ту тенденцию, которая подталкивает к противопоставлению двух цивилизаций — исламской и западной. Если произойдет ближневосточное урегулирование, будет во многом обеспечена стабильность на Ближнем Востоке, включая Иран. У Буша-младшего был разговор с президентом Путиным по поводу того, что США в Аннаполисе хотят провести встречу и таким образом начать движение в пользу мирного урегулирования на Ближнем Востоке. И меня направили на Ближний Восток с конкретным заданием помочь, чтобы в Аннаполисе состоялась встреча. Мы помогли американцам сознательно, потому что стремились к урегулированию на Ближнем Востоке. Причем, я думаю, Россия сыграла здесь не последнюю роль. Я, ко-

нечно, не был главным участником этого дела. Главными были президент Путин, министр иностранных дел Лавров и его заместитель Салтанов. Но я был направлен на Ближний Восток, где встречался и с руководством Израиля — Ольмертом, Бараком, министром обороны — и с Махмудом Аббасом, руководителем палестинцев, и с египетским президентом Мубараком, и с сирийским президентом Асадом, и с руководителем Лиги арабских стран Мусой. По предложению американцев следующая после Аннаполиса встреча должна была состояться в Москве. Это способствовало бы непрерывности процесса урегулирования, а такая непрерывность необходима. В конце концов многие поехали в Аннаполис, все прошло нормально. Но московской встречи не было. Нам Соединенные Штаты говорили, что Израиль не хочет, израильтяне — что США не хотят. Так или иначе, но эта встреча в Москве до сих пор так и не состоялась. В результате и наработки в Аннаполисе повисли в воздухе...

Я хочу сказать, что если президент Обама будет действовать вместе с Россией и Европой, можно добиться определенных результатов. Однако сейчас возникло очередное препятствие — новое правительство Израиля. Кстати говоря, министр иностранных дел этого правительства, который, в общем-то, и тормозит решение вопроса, — выходец из Молдавии Либерман, и он прекрасно говорит по-русски. Недавно Либерман заявил, что Израиль не должен допускать изменения демографического состава населения страны — речь идет даже не об оккупированной территории, а о самом Израиле, где палестинцы такие же граждане, как и другие. Он заявил, что израильское правительство не допустит изменения соотношения между евреями и арабами, населяющими Израиль. Каким образом не допустит?

Многие проблемы нужно решать, решать сознательно, решать, имея в виду необходимость сотрудничества со всеми теми государствами, которые хотят добиваться стабильности и мира.